

Сюй Сяое указала на стоящий позади стол с едой и небрежно сказала:

— Здесь много всего, бери, что хочешь, но только съешь всё, что возьмёшь.

С этими словами она ушла, ведь держать в руках тарелку было довольно тяжело.

Ань Жун смотрела вслед уходящей Сюй Сяое, и на сердце опустилась тень тревоги.

Ей было грустно, горько и безнадежно. Будто маленькая бабочка где-то взмахнула крыльями, из-за чего ход событий полностью изменился.

Хотя она и переродилась, получив второй шанс, печально то, что она осталась всё той же Ань Жун, а Сюй Сяое — всё той же Сюй Сяое. Она не стала вдруг мастером соблазнения, а Сюй Сяое не влюбилась в неё безумно, потеряв голову от любви.

Как же сложно влюбиться!

Неужели судьба привела её в этот момент не для того, чтобы она смогла возобновить отношения с Сюй Сяое, а чтобы остановить Ван Юньшуй, эту зачинщицу беспорядков, от попадания в группу?!

Ха, это было бы слишком высоко для неё. Она ведь не экзаменатор, не руководство компании и даже не менеджер. Более того, она сама находилась под угрозой исключения.

Какой толк в перерождении? Ань Жун чувствовала себя подавленной изнутри, словно маленькая тучка, тихо плывущая рядом с Сюй Сяое среди ясного дня.

Сюй Сяое взглянула на несколько кусочков брокколи и две порции рыбы в своей тарелке, затем на унылое лицо Ань Жун, немного поколебалась и тихо спросила:

— Что случилось?

Ань Жун сжала губы, хот было сказать, что всё в порядке, но слова застряли в горле. Она опустила уголки губ и робко произнесла:

— Я поняла, что слишком толстая, и мне очень грустно.

Когда она сказала, что ей грустно, это была правда. Её голос звучал глухо, будто она вот-вот заплачет.

Вдруг столкнувшись с такой ситуацией, она почувствовала, что превращается в кого-то другого. Все вокруг казались знакомыми, но в то же время чужими. Единственный человек, о котором она мечтала, теперь был к ней равнодушен. У неё не было никаких преимуществ, только трудности, и она чувствовала, будто её разрывают на части.

Как было в прошлом мире, она не знала. Что ждёт её в будущем, тоже неизвестно. Перерождение не дало Ань Жун ощущения, что она вот-вот достигнет вершины успеха. Напротив, она чувствовала себя неуверенно и начала сомневаться в себе.

Ань Жун явно была в подавленном настроении, и это не было шуткой.

Сюй Сяое похлопала её по плечу, утешая:

— Ты не толстая. Просто на камере ты выглядишь немного круглее. Дети ведь милые, когда

они округлые.

Губы Ань Жун дрогнули, и она, словно ребёнок, ищущий утешения у взрослого, прижалась к плечу Сюй Сяое, жалуясь:

— Разве круглость — это не полнота? Они все такие стройные и красивые, а я толстая и уродливая.

Сюй Сяое немного смягчилась, её тело, прежде напряжённое, расслабилось. Она обняла Ань Жун за плечи и, ласково похлопав, успокоила:

— Где такое? Ты не толстая. Ты тоже красивая. Когда повзрослеешь, станешь ещё прекраснее, не уродливая.

Хм, это ты сказала, что я уродливая, — мысленно утешила себя Ань Жун.

Она вовремя остановилась, насладившись последней секундой, и медленно выпрямилась, смущённо сказав:

— Спасибо. Я впервые одна далеко от дома, немного нервничаю и скучаю по дому.

Она нашла вполне логичное оправдание своему поведению, и это вызвало у всех присутствующих чувство тоски.

Все они были девушками в возрасте от десяти до двадцати лет, которые поселились здесь, и у них отобрали телефоны. Никто не мог уйти надолго, и каждый скучал по дому.

Сюй Сяое не стала смеяться над ней, оглядела всех вокруг, прочистила горло и, с преувеличенной интонацией, намеренно пропела печально:

— Ребёнок, ушедший из дома, скитается вдали, нет у него красивой одежды, ла-ла-ла, с трудом нашёл работу, усердно трудится, в сердце ла-ла-ла, а на лице слёзы...

Печальная атмосфера на мгновение застыла.

Среди всех присутствующих, кроме Сюй Сяое, только Ань Жун знала эту песню. Она медленно повернула голову, глядя на Сюй Сяое, шевелила губами некоторое время, а затем сказала:

— Капитан, это «в сердце слёзы, на лице пот».

Сюй Сяое: ...

Она хлопнула рукой по столу:

— Зачем «капитан»? Это слишком формально. Зови просто по имени.

Ань Жун сразу же откликнулась, радостно поправившись:

— Сестра Сяосяо.

Сюй Сяое улыбнулась и кивнула, затем, глядя на Ань Жун, сказала:

— Раз уж зовёшь меня сестрой, то то, что я пою, правильно, кроме «ла-ла-ла», понятно?

Улыбка Ань Жун постепенно исчезла, и она послушно кивнула, показывая, что поняла.

Сюй Сяое протяжно произнесла:

— Всё, что нужно, скажешь дома, правильно?

Ань Жун кивнула:

— Правильно, я ошиблась.

Сюй Сяое обрадовалась, подмигнула Ань Жун и похвалила её:

— Молодец, давай ешь.

Ся Чуньхуа, сидевшая напротив, была поражена тем, как гладко всё прошло.

Автор хотел сказать: Ань Жун: У меня есть план!

Ань Жун, проанализировав и вспомнив, наконец поняла суть проблемы.

В прошлой жизни Сюй Сяое всегда была рядом с ней, проявляя больше заботы, отчасти потому, что она была умной и милой, но также потому, что Сюй Сяое считала её семнадцатилетней девочкой, которая ничего не знала, и потому уделяла ей больше внимания.

Теперь она уже не была той, кем была четыре года назад, и это чувство больше не вернётся. В глазах Сюй Сяое теперь она не нуждалась в заботе, а рядом была более юная, милая и беззащитная Ся Чуньхуа.

Поэтому объект внимания Сюй Сяое изменился.

Ань Жун, подумав, решила, что не может позволить этому продолжаться. Ей нужно притвориться, использовать свои лучшие актёрские способности, чтобы показать себя перед Сюй Сяое как человека, нуждающегося в заботе и поддержке, но в то же время надёжного.

Поэтому после еды Ань Жун, притворившись, что случайно нахмурилась, пошла рядом с Сюй Сяое и сказала:

— Этот танец мы должны учить сами? Есть ли учитель? Я думаю, что сама не справлюсь.

Сюй Сяое, ничего не подозревая о её уловке, кивнула:

— Должен быть, но, возможно, он только поможет. Не волнуйся, вернись и посмотри несколько раз, чтобы привыкнуть.

Ань Жун, поняв, что её план сработал, согласилась:

— Эээ, хорошо.

Она была послушной и милой, что было очень хорошо.

Они немного прогулялись и вернулись в общежитие. Первоначальный энтузиазм немного угас, и все почувствовали усталость, решив немного отдохнуть.

В общежитии было много людей, но, к счастью, никто не разговаривал громко. Многие

отдыхали, поэтому было довольно тихо. Кровать Ся Чуньхуа находилась у входа, и она шёпотом сказала:

— Я пойду посплю.

Ань Жун улыбнулась и помахала ей рукой.

Когда они дошли до самого конца, остались только Ань Жун и Сюй Сяое. Когда они вышли поесть, кто-то из компании поставил на стол камеру. Ань Жун, войдя, сразу заметила её, но вспомнила, что сейчас она никогда не видела ничего подобного, и потому отошла в сторону, сказав Сюй Сяое:

— Сестра Сяосяо, здесь камера!

Сюй Сяое уже лежала на кровати, услышав это, подняла голову, увидела камеру и снова легла:

— Да, вероятно, её только что установили. Не обращай внимания. Хочешь посмотреть этот танец?

Она достала из-под подушки iPad и протянула его Ань Жун.

Ань Жун взяла его, открыла и увидела, что видео уже дошло до конца. Она не знала, когда Сюй Сяое его смотрела, но на экране был наушник.

Ань Жун спросила:

— Спасибо, сестра Сяосяо, могу я воспользоваться твоими наушниками?

Сюй Сяое, прищурившись, ответила:

— Пользуйся.

Ань Жун с радостью надела наушники. В видео танцевали стажёры TS и учителя танцев, поэтому всё было очень профессионально и чётко снято.

Ань Жун посмотрела немного и, увидев, что Сюй Сяое уснула, взяла iPad и вышла в центральный танцевальный зал.

Даже если она и переродилась, у неё не было лишнего носа или глаз. Прошло четыре года, и всё, что можно было забыть, она забыла. Теперь ей приходилось начинать заново, но, к счастью, у неё был некоторый опыт и база в танцах, хотя физическая форма пока отставала.

К тому же её координация движений никогда не была хорошей, поэтому она училась танцам медленнее других, и ей нужно было начинать раньше.

Танцевальный зал был пуст, и только камера в углу составляла ей компанию.

<http://bllate.org/book/16418/1487749>